

Слепой ясновидец

Известия. — 1999 —
24 авг. — 211

100 лет Хорхе Луису Борхесу

Павел ГРУШКО

Легко сказать, лауреатом какой премии не был Борхес, великий аргентинский писатель (1899—1986), первенец постмодернистской эпохи. Нобелевской. Перечислить те, лауреатом которых он был, куда сложнее: им несть числа.

Когда Борхесу было четыре года, в буэнос-айресском зоопарке он увидел тигра: желтые, почти золотые полосы запомнились на всю жизнь и через много лет дали

название поэтическому сборнику «Золото тигров». Солнечным мерцанием этого образа Борхес наслаждался, когда совершенно ослеп. «...С годами стали меня покидать// прочие дивные краски,// остался лишь// робкий свет,// нерасторжимая тень// и первоначальное золото».

Это сквозное воспоминание, проходящее через всю жизнь, вообще для Борхеса характерно. Великий посредник между внешним миром и внутренним, он посвятил свои рассказы, стихи и эссе необъятной области человеческого сознания и подсо-

знания. Все в его творчестве строится на игре лейтмотивов — Памяти, Лабиринта (символ поиска центра, тайны, смысла существования и сущности собственного я, а также любая Библиотека или Энциклопедия), Времени, Сновидения, Я и Яви, Зеркала. Предметами его постоянной рефлексии были Политика и Пресса («Газеты для забытья, книги для памяти»), Буэнос-Айрес, Смерть, Женева, где прошла его юность и где он умер в 1986 году. «Я ведаю, что вернусь в Женеву, возможно, после смерти тела...»

Зная наперед, что ослепнет (такая же судьба была у его деда и отца), он стал запоминать тексты, как бы укладывая в память библиотеку за библиотекой — на своем родном испанском, на французском и немецком. Что касается английского, то это был язык, на котором он прочитал свою первую книгу, ведь отец его был по материнской линии англичанином. И вся мировая литература проступает сквозь его книги как яркое воспоминание об утраченной слепцом реальности, как жесткий каркас зыбкого и чересчур ненадежного мира.

Хорхе Луис БОРХЕС

Терзание из-за любой смерти

(Из книги «Пыл Буэнос-Айреса», 1923)

Свободный от памяти
и от надежд
бескрайний, бесформенный,
чуть ли не вечный, —
умерший не мертв,
он и есть сама смерть.
Как Бог у мистиков,
от Которого
должны отказаться
все проповедники, —
мертвый, повсеместно чужой,
всего лишь утрата,
разлука с миром.

Все-то мы у него украли,
не оставили ему ни цвета,
ни слова,
этот двор теперь
не для его глаз,
перекресток —
не для его ожидания.
Наши мысли могли бы
осенить и его, —
мы, как воры,
между собой поделили
его пожитки дней и ночей.

Тигр

(Из книги «История одной ночи», 1977)

Вкрадчивый и роковой, заряженный бесконечной энергией, по другую сторону крепких прутьев ограды, он то удалялся, то возвра-

щался, — мы не сводили с него глаз. Тигр этого утра, — он был и тигром Востока, и тигром Блейка, и тигром Гюго, и Шер-Ханом, и всеми тиграми прошлого и будущего, этим архетипом, архетипом — самим собой и всем своим родом. Мы думали: какой кровожадный и красивый. Маленькая Нора сказала: «Он создан для любви.»

Буэнос-Айрес

(Из книги «Шифр», 1981)

Я родился в другом городе,
который тоже назывался
Буэнос-Айресом.
Помню стук щеколд и задвижек
на входной двери.
Помню куст жасмина
возле бочки с водой, —
и грущу по ним.

Помню розовую ассигнацию,
бывшую прежде пунцовою.
Помню жарынь и съесту.
Помню две сабли
крест на крест,
которые послужили людям
в пустыне.
Помню газовые фонари
и человека с дубинкой.
Помню доброе время,
когда люди приходили
без предупреждения.
Помню трость
с острым наконечником.
Помню, что видел
своими глазами
и о чем мне рассказывали
родители.
Помню Маседонио Фернандеса
в углу кондитерской
на площади Онсе.
Помню повозки из глуши

на пыльной площади Онсе.
Помню Альмасен де ла Фигура
на улице Тукуман
(за углом умер
Эстанислао дель Кампо).
Помню дальний третий двор,
куда я не добрался, —
невольничий двор.
Я храню в памяти день,
когда в закрытой карете
пристрелили Алема.
В том Буэнос-Айресе,
который меня покинул,
я остался бы чужаком.
Я знаю: единственный
не запретный рай —
это потерянный рай.
Кто-то другой,
почти на одно лицо со мной, —
кто-то, не читавший
эту страницу,
будет позже вздыхать

по бетонным башням
и поваленному обелиску.

Сон

В некоем пустынном месте в Иране есть невысокая каменная башня без окон и дверей. В единственной комнате (она круглая и находится на уровне земли) стоят деревянный стол и скамья. В этом круглом застенке похожий на меня человек пишет неведомым мне шрифтом длинное стихотворение о человеке, который в другом круглом застенке пишет стихи о человеке, который в другом круглом застенке... Этому не видно конца, и никто не сможет прочитать то, что пишут узники.

Перевел с испанского
Павел ГРУШКО